
Научно-теоретическая статья

УДК [811.161.1+811.111]’103

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-460-142-157

КОНЦЕПТ ЧУЖДЫЙ/*FOREIGN* В РУССКОЙ И БРИТАНСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД (НА МАТЕРИАЛЕ СВОБОДНЫХ/СВЯЗАННЫХ СОЧЕТАНИЙ СЛОВ)

Суворова Елена Владимировна

Российский государственный университет нефти и газа
(национальный исследовательский университет) им. И. М. Губкина,
Москва, Россия,
suvorlen@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5821-3952>

Аннотация. В статье представлен лингвокультурологический анализ концепта *чуждый/foreign* как одного из полюсов архетипической бинарной оппозиции «свой – чужой/чуждый» и репрезентанта ментефакта *чуждость/foreignness*, а также его языковой вербализации на материале свободных/связанных словосочетаний. Ментефакт *чуждость/foreignness* изначально рассматривается с позиции концептуального поля, репрезентантами которого могут выступать языковые единицы, знания, понятия, концепты, представления и артефакты. В ходе теоретических рассуждений уточняется природа рассматриваемого феномена и делается вывод о том, что квинтэссенция культуроносных смыслов, скрытых за представлениями о *чуждости/foreignness*, может быть сосредоточена в такой когнитивной единице, как *концепт*, представляющей собой свернутый результат осмыслиения сложного мира состояний, отношений, связей, свойств, содержание которой может быть раскрыто посредством изучения валентностных связей охватывающих его языковых единиц. Выдвигается гипотеза, что основными вербализирующими концепт *чуждый/foreign* языковыми единицами служат синонимические ряды адъективов. На основании сочетаемостей данных единиц с другими словами осуществляется попытка изучить специфические отличия в понимании *чуждости/foreignness*, присущие русскому и британскому этносам. Делается вывод, что *чуждость/foreignness* в британском языковом сознании лежит в одной плоскости с силой, временем появления, качеством и сферой деятельности; она воспринимается и перцептивно, и ментально; *чуждым/foreign* можно сделать или оставаться, ее можно сохранять. Отражение *чуждости/foreignness* в русском языковом сознании тесно связано с ментальными, духовными, культурными стереотипами, которые лежат в основе этнического, религиозного и т. п. противопоставления; может быть сопряжено с негативными эмоциями; иметь либо максимальную / сравнимую с чем-либо другим / обоюдную выраженност; *чуждость/foreignness* может развиваться во времени и, соответственно, нести в себе черты процесса. Делается обобщающий вывод о том, что в британском языковом сознании восприятие *чуждости/foreignness* тесно переплетено с перцепцией и логикой, в русском — с эмоциями и духовными / религиозными / культурными возвзрениями.

Ключевые слова: ментефакт, концепт, концептуальное поле, чуждый, архетипическая бинарная оппозиция «свой – чужой», свободные словосочетания, валентностные связи.

Для цитирования: Суворова, Е. В. (2025). Концепт *чужды́й/foreign* в русской и британской языковых картинах мира: лингвокультурологический подход (на материале свободных/связанных сочетаний слов). *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 4(60), 124–157. <https://doi.org/10.24412/2076-913X-2025-460-142-157>

Original article

UCD [811.161.1+811.111]’103

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-460-142-157

THE CONCEPT OF *FOREIGN* IN THE RUSSIAN AND BRITISH LINGUISTIC VIEWS OF THE WORLD THROUGH A LINGUO-CULTUROLOGICAL PPROACH (AS EXEMPLIFIED IN FREE PHRASES/COLLOCATIONS)

Elena V. Suvorova

National University of Oil and Gas «Gubkin University»,
Moscow, Russia,

svorlen@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5821-3952>

Abstract. The paper presents a linguo-cultural analysis of the concept of *foreign*, considered as one of the poles within the archaic binary opposition «close – foreign», and its verbalization by free phrases. This mental unit is originally taken for a conceptual domain which can be represented by: linguistic units, various types of knowledge, notions, concepts, conceptions and artifacts. In the course of theoretical reasoning the nature of the phenomenon is concretized, a conclusion is made that the essence of the cultural senses, underlying the conceptions of *foreignness*, can be concentrated in a concept. The latter can be defined as a condensed outcome of the comprehension of a complicated world of states, relations, properties, and its content can be studied by investigating into the valency links of the linguistic units (free phrases) which verbalize it. These can be hypothesized to be synonymous rows of adjectives. Their valency links can serve as a basis of an investigation into main Russian and British national distinctions in the conception of *foreignness*. To conclude, in the British linguistic consciousness *foreignness* can lie in the same plane with strength; time of coming into being; quality and the sphere of activities it is applied to; it can be perceived and cognized; something/ someone can be made *foreign*, one can remain *foreign* or keep being *foreign*. The reflection of *foreignness* in the Russian linguistic consciousness is closely connected with mental, spiritual, cultural stereotypes, which form ethnic, religious, etc. oppositions. Its perception can be accompanied by negative emotions, it can have the highest possible/ comparable/ mutual manifestation, it can also be in progress. Finally, a general conclusion is made that in the British linguistic consciousness, *foreignness* is intertwined with perception and logic while in the Russian one, it can be mingled with emotions, and spiritual, religious, cultural conceptions.

Keywords: mentifact, concept, conceptual domain, *foreign*, archaic binary opposition «close – foreign», free phrases, valency links.

For citation: Suvorova, E. V. The Concept of Foreign in the Russian and British linguistic views of the world through a linguo-culturological approach (as exemplified in free phrases / collocations). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 4(60), 142–157. <https://doi.org/10.24412/2076-913X-2025-460-142-157>

Введение

Формирование языковой картины мира происходит посредством отражения мира в зеркале языка: «помыслить мир возможно, находясь в относительном плену языковой картины мира, поскольку в сознании человека реальный мир дан в той мере, в какой он отражается в языке, а каждый язык отражает реальный мир по-своему, тем самым складывая языковую картину мира, определяющую специфику национального мировидения» (Красных, 2016, с. 144). При этом под отражением мира понимается процесс когнитивной переработки воспринимаемой, в том числе по каналам перцепции, информации, в ходе которой приобретают форму элементы «содержания» сознания — ментефакты, выраженные в виде знаний, понятий, концептов и представлений, где знания — это иерархически выстроенные информационные единицы долговременной памяти; понятия — единицы сознания, содержащие логическую, безобразную генерализацию и категоризацию фрагментов действительности; представления — результат перцептивно-образного отражения действительности; и наконец, концепты — «общие, максимально абстрагированные, но конкретно репрезентируемые (языковому) сознанию идеи предметов (в самом широком понимании этого термина), являющиеся результатом эмоционально-смыслового восприятия действительности, обладающие ингерентно присущей аксиологией и взятые в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью» (Красных, 2016, с. 220). Вступающими в параллель с перечисленными классами ментефактов можно считать концептуальные поля (КП), рассматриваемые как «совокупность ментефактов и определенным образом осмыслившихся в культуре артефактов, объединенных некой общей идеей, относящиеся к определенному фрагменту картины мира» (Красных, 2016, с. 220), другими словами, образующими некий концептуальный континуум, репрезентируемый различными языковыми единицами, классами ментефактов и артефактами.

К одному из таких КП можно отнести ментефакт (единицу сознания) *чуждость*, возникший в ходе архетипического переосмысливания мира через призму бинарной оппозиции «свой – чужой», где ментефакт *чуждость* представляет собой один из полюсов данной оппозиции, вокруг которого группируется все то, что может быть противопоставлено *своему*. При этом под архетипами,

как и под архетипическими противопоставлениями, мы понимаем то, что возникает в изначальном, главным образом перцептивном восприятии мира и его последующем осмыслении в виде «констант духовного мира, представляющих собой “спонтанно действующие, интуитивно постигаемые, когнитивные структуры обработки, хранения и презентации коллективного опыта”» (Ковшова, Гудков, 2018, с. 37).

Ментефакт *чуждость* как сгусток не только разных видов знаний, образов, эмоций, оценок, но и, что немаловажно, артефактов, онтологически представляет собой КП, репрезентантами которого могут быть:

1) знания — то, что каждый представитель этноса воспринимает через призму запретов и ограничений как этически и/или законодательно неприемлемое; понятия — то, что входит в параллель со знаниями и находит отражение, например, в таких философских, психологических и лингвокультурологических категориях, как космос – хаос, священное – мирское, индивидуальное – коллективное (Элиаде, 1994; Юнг, 1991; Цывьян, 2006), тяготеющих к терминологичности и противопоставленных по принципу «свое – чужое»; представления — то, что может быть найдено в прецедентных феноменах (домовой — представитель сакрального мира чужого миру человеческому); *концепты* — то, что складывается в результате рационально-эмоционального восприятия и формируется в процессе прижизненного опыта, обладает эмотивностью, аксиологичностью, оценочностью и имеет культуроспецифический характер (Красных, 2016, с. 220));

2) артефакты (например, паранджа или никаб для русского православного этноса);

3) различные языковые единицы.

Тем не менее, чтобы увидеть непосредственно культуроспецифическую квинтэссенцию того, что воспринимается тем или иным этносом как чуждое, необходимо сузить количество репрезентирующих данный ментефакт лингво-культурологических единиц, опираясь на ряд логических замечаний. Итак, и знания, и понятия в большинстве своем культуронезависимы, культура определяет только факт их наличия или отсутствия, поэтому они не могут в полной мере отражать концентрацию того, что в культуре воспринимается как чуждое. Прецедентные феномены представляют собой крайне обширное и неоднородное поле исследования, если их рассматривать с позиции отражения заложенного в культуре архетипического представления о чужом в противопоставлении к *своему*. Как следствие, квинтэссенция всего того, что лежит в пределах *чуждого* в оппозиции к *своему*, воспринятая через призму логики (понятийного, рационального анализа) и сублогики (образов, перцепций, ценностей, оценок), оказывается сконцентрированной в такой единице когнитивной системы лингвокультуры, как *концепт*.

В рамках предложенной работы были выделены такие признаки концепта *чуждость*, как: 1) способность нести в себе специфические национально-

культурные эмотивно-ценностные эталоны, вобравшие в себя стереотипные шаблоны поведения, нормы взаимоотношений, культуроориентированные ценности и т. п., т. е. все то, чем индивид руководствуется в своем чувственном и интеллектуальном восприятии действительности; 2) способность сохранять архетипические следы древней национальной космологизации мира, отраженные в его метафорическом переосмыслении, т. е. способность формализации «того, что знает интуиция, что существует в коллективном бессознательном и выражается языком в действии (речью)» (Чернейко, 1997, с. 286), с одной стороны, и сохранять в рамках рациональной логики четкие современные представления о мире, известные каждому носителю языка, с другой; 3) дуальность: отражение как коллективных представлений о феномене, так и индивидуальных смыслов, проявляющихся при вербализации концепта в речевой ситуации.

Как считает Л. О. Чернейко, концепт имени охватывает языковое преломление всех видов знания о явлении, стоящих за ним, — знание эмпирическое, знание по мнению, знание по доверию, знание по вере (Чернейко, 1997). В свою очередь, словесные знаки по механизму их связи с действительностью, по ее мнению, можно классифицировать следующим образом: а) отражающие действительность (*река, скамейка, собака*); б) преломляющие ее (*тепло, дружба, радость*), в) создающие (*судьба, грех, долг*). В первой группе знаков явлен мир видимый, ощущаемый, во второй — чувствуемый, в третьей — умопостигаемый (Чернейко, 1997).

Как мы отметили ранее, концептуальное поле *чуждость* может находить репрезентацию среди разных типов словесных знаков, выделяемых Л. О. Чернейко, и, следовательно, быть связанным с разными типами знания. В то же время концепт представляет собой скорее результат осмыслиения сложного мира состояний, отношений, связей, свойств, относясь к миру *Идеальное*, не постигаемого эмпирически, поэтому его изучение может осуществляться через поиск «проекции невидимого или необозримого на чувственно воспринимаемое и эмпирически постигаемое, то есть на целостные предметы мира» (Чернейко, 1997, с. 173). Такая проекция реализуется в свободных, отражающих логические связи предметов мира, и связанных сочетаниях слов, отражающих сублогические, глубинные подсознательные связи, недоступные прямому наблюдению.

Следуя данной логике, а также вследствие того, что в качестве ядерных репрезентантов номинативных полей концептов довольно часто рассматривают субстантивы (Попова, Стернин, 2007), в качестве ключевого репрезентанта номинативного поля рассматриваемого концепта был выбран субстантив *чуждость*. Однако, как показали исследования корпусов русского и английского (британского варианта) языков, частотность субстантива *чуждость/foreignness* оказалась ниже частотности одноименных адъективов. Например, в 2014 году число вхождений (частотность) субстантива *чуждость* составляла, согласно коэффициенту Жуйана, 0,26 ipm (употреблений на миллион слов),

а число вхождений адъектива *чуждый* — 13 960 (37,28 imp)¹. Полученные данные корпусов нашли также подтверждение при анализе русских и британских словарей синонимов, начиная от первых словарей XIX века и заканчивая современными словарями Д. И. Фонвизина, П. Р. Калайдовича, А. И. Галича, Н. А. Абрамова, З. Е. Александровой, А. П. Евгеньевой, Ю. Д. Апресяна; а также The Oxford Thesaurus (Суворова, 2025). Субстантив *чуждость/foreignness* не указывался в качестве доминантного слова в словарных гнездах. Согласно русским словарям синонимов (об английских словарях будет сказано далее), доминантными словами, в соответствии с которыми выстраивались синонимические ряды, были два адъектива: *чуждый* и *чужой*. Изучение синонимических гнезд с указанными адъективами в качестве доминант позволило выделить следующий синонимический ряд: *несвойственный, посторонний, далекий, чужой, сторонний*. Соотнесение данного синонимического ряда с терминологией научно-теоретических работ, выполненных в поле исследований бинарной оппозиции «свой – чужой» (Суворова, 2024), позволило вычленить основную парадигму адъективов, репрезентирующую номинативное поле рассматриваемого концепта: *иной – другой – дальний – чужой – чуждый*, а в качестве ключевого репрезентанта его номинативного поля использовать адъектив *чуждый*.

Сравнительный лингвокультурный анализ номинативного поля концепта *чуждый* требовал определения номинативного ядра соответствующего английского концепта. На основе данных переводных (англо-русского и русско-английского) и толковых словарей² было выяснено, что семантические составы выделенных русских синонимов-адъективов и их английских эквивалентов не совпадают. В частности, русское слово *чуждый* имело совершенно иной семантический состав, чем его английские эквиваленты *alien* и *extraneous*. Поэтому, взяв за основу английские эквиваленты к словам *иной – другой – дальний – чужой – чуждый*, найденные в переводных словарях, мы выделили все имеющиеся к ним синонимы на материале The Oxford Thesaurus — 243 синонима, и оставили из них только те, которые повторялись в разных синонимических гнездах два и более раз. Таким образом, количество ключевых синонимов-адъективов было сокращено до 23.

Итак, согласно данным The Oxford Thesaurus, концепт *чуждый* может быть вербализован в английском языке следующим синонимическим рядом:

¹ Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/results?search=CrkBE-mQKYhJgChUKA2xleBIOCgzRh9GD0LbQtNGL0LkKCgoEZm9ybRICCgAKDAoFZ3JhbW0SAwoBQQoJCgNzZW0SAgoAChUKB3NIbS1tb2QSCgoIc2VtfHNlbXgKCwoFZmxhZ3MSAg0AIiMKIQofCgdjcmVhdGVkMhQKBwi5DRABGAESBwi5DRAMGB8YAioIcggiBAKGDlGciAAKJ6lubnfvZ4JMgpyYW5kb21fZG9jQAV4ADICCBM6AQEwAQ> (дата обращения: 29.10.2025); The British National Corpus. URL: <https://www.english-corpora.org/> (дата обращения: 29.10.2025).

² Оксфордский русско-английский словарь 70 000 слов / сост. М. Уилер. М.: Локид, 2002. 919 с.; Англо-русский словарь / В. К. Мюллер (ред.). URL: https://gufo.me/dict/enru_muller (дата обращения: 29.10.2025).

different, strange, unfamiliar, dissimilar, peculiar, separate, alien, bizarre, distinct, exotic, foreign, odd, outlandish, unique, unusual, distinguishable, divergent, diverse, extraordinary, singular, unlike, unlike, weird (другой; странный; незнакомый; непохожий; своеобразный; особый, отдельно взятый; чуждый; причудливый; отличный от других; экзотический; иностранный; странный, чудаковатый; иноземный; уникальный; необычный; заметный; отличный от других; другой; необычный; отдельно взятый; несхожий; непохожий; странный) (здесь и далее перевод наш. — E. C.), а ключевым репрезентантом его номинативного поля можно считать адъектив *foreign* (чуждый). Концепт *чуждый* оказывался «рассеянным в языковых знаках, его объективирующих», и, чтобы его изучить, требовалось «исследовать весь языковой корпус, в котором репрезентирован концепт» (Пименова, 2004, с. 9). В статье представлен анализ только свободных и связанных словосочетаний, имеющих в своем составе вышеперечисленные ключевые адъективы-синонимы.

Методология исследования

В соответствии с предложенной логикой **целью исследования** стало рассмотрение концепта *чуждый* и лежащих в его поле метафорических проекций, отражающих скрытые культуроносные смыслы, раскрывающиеся в валентных сочетаемостях, репрезентирующих данный концепт языковых единиц. **Материалом исследования** послужили синонимические словари, словари сочетаемости слов, а также национальные корпуса русского и английского (британского варианта) языков. В качестве **методов исследования** был использован метод сплошной выборки, методы интерпретативного анализа и синтеза.

Результаты исследования

Начало исследования обусловлено рядом теоретических постулатов:

1. Метафорическое, образное антропоцентрическое переосмысление мира сохраняется в основном в сплаве культуры и языка и наполнено скрытыми смыслами, которые извлекаются через когнитивное препарирование языковых средств. «Вторичный мир возникает не иначе, как в результате интерпретации познающим индивидом фактов в их отвлечении от предметной реальности» (Серебренников и др., 1988, с. 188). То, какие образы лежат в основе когнитивного переосмысливания мира, объясняет особенности менталитета этноса, его мировидение и миропонимание.

2. Любое познание имеет чувственную природу, что неоднократно подтверждалось другими исследователями, в том числе Л. С. Выготским,

А. Н. Леонтьевым, А. Р. Лурией. В частности, нейрофизиологические исследования А. Дамазио показывают, что при восприятии мира возбуждаются два вида сигналов: особое зрительное или слуховое ощущение, не относящееся к телу, и особое телесное ощущение. Когда вы смотрите на что-либо, вы не просто видите, вы ощущаете этот процесс (Damasio, 1995, с. 231), как следствие, за любой нашей мыслью стоит не только образ, но и ощущение.

3. Перцепция предшествует возникновению базовых эмоций и лежит в основе фундаментальных чувств. Она, как правило, носит скрытый характер, проявляясь в коннотации, либо извлекается из ассоциативных реакций. При этом перцепция «представляет собой, в сущности, специфический креативный механизм продуцирования содержания (смыслов, информации), овнешняемого в тела языковых знаков и составляющего глубинный базис их значения» ((Нео)психолингвистика..., 2017, с. 283).

Опираясь на указанные ранее положения, данные национальных корпусов русского и английского (британского варианта) языков, словарей синонимов, обратившись к ряду теоретических и теоретико-практических работ Ю. М. Лотмана, М. Ю. Бахтина, Н. Ф. Лосского, С. С. Аверинцева, В. Г. Фельде, К. С. Илиополовой, А. А. Кирзюк, И. В. Пахоловой, Л. Леви-Брюля, К. Леви-Страсса, М. Элиаде, Ф. Боаса, Э. Сепира, Т. В. Цывьян, Н. И. Толстого, С. М. Толстой, В. Н. Телия, В. В. Красных, Л. О. Чернейко, M. Gradner, R. Saunders и др., выполненных на перекрестье философии, антропологии, культурологии, лингвокультурологии, психолингвистики и когнитивной лингвистики, в фокусе исследования которых оказалась архетипическая оппозиция «свой – чужой» (Суворова, 2024), мы провели исследование валентностных связей адъективов, репрезентирующих номинативные поля концептов *чуждый/foreign*: 1) *иной – другой – дальний – чужой – чуждый;* 2) *different – strange – unfamiliar – dissimilar – peculiar – separate – alien – bizarre – distinct – exotic – foreign – odd – outlandish – unique – unusual – distinguishable – divergent – diverse – extraordinary – singular – unalike – unlike – weird* (другой – странный – незнакомый – непохожий – своеобразный – особый, отдельно взятый – чуждый – причудливый – отличный от других – экзотический – иностранный – странный, чудаковатый – иноземный – уникальный – необычный – заметный – отличный от других – другой – необычный – отдельно взятый – несхожий – непохожий – странный) — на предмет изучения скрытых культуроносных смыслов, наполняющих концепт *чуждый/foreign* в языковом сознании русского и британского этносов.

С учетом того, что изучение свободных, неустойчивых словосочетаний ведет скорее к раскрытию логических, рациональных отношений между явлениями мира, а устойчивых — к выявлению метафорических, ассоциативных связей (Чернейко, 1997), был проведен сопоставительный анализ русских и английских свободных и несвободных словосочетаний с выделенными адъективами в качестве компонентов. Обобщение полученных результатов может быть представлено следующими положениями.

Согласно данным Национального корпуса русского языка³, в русском языковом сознании признак *чужого/чуждого* может присваиваться целому ряду явлений действительности:

- 1) вещам (ср.: *чужой* (-ая, -ое, -ие) — вещь (пальто, шляпа, зонтик ...); *другой* (-ая, -ое, -ие) — вещь (пальто, шляпа, зонтик ...); *иной* (-ая, -ое, -ие) — вещь (пальто, шляпа, зонтик ...)). При этом слово *дальний* вступает в неустойчивые словосочетания с предметами лишь частично (ср.: *дальний* столик, но не *дальний* зонтик, пальто, шляпа ...), а *чуждый* не вступает совсем (ср.: *чуждое* — *чужое* пальто, *чужой* зонт ...);
- 2) предметам ментального мира (ср.: *чужой* (-ая, -ое, -ие) рассказ (мысль, идея, изобретение); *другой* (-ая, -ое, -ие) рассказ (мысль, идея, изобретение); *иной* (-ая, -ое, -ие) рассказ (мысль, идея, изобретение); *чуждые* (-ая, -ое, -ие) интересы (идеи, предрассудки). Слово *дальний* не вступает в неустойчивые словосочетания с предметами ментального мира (ср.: *дальний* (-ая, -ое, -ие) — рассказ);
- 3) людям или животным (ср.: *чужой* (-ая, -ое, -ие) человек (ребенок, муж, брат, жена, дочь, кот, пес, но не *чужой* медведь); *другой* (-ая, -ое, -ие) человек (муж, брат, жена, дочь, кот, пес, медведь)); *иной* (-ая, -ое, -ие) человек (муж, брат, жена, дочь), но не *иной* медведь, кот и т. п.). Как мы видим, здесь возникают определенные ограничения: если речь идет о животных, то со словом *чужой* могут вступать в семантические отношения только те животные, которые относятся к домашним; со словом *другой* — любые животные; со словом *иной* — только люди. Слова *дальний* и *чуждый* не вступают в неустойчивые словосочетания с существительными, денотатами которых могут выступать животные (ср.: *дальний/чуждый* медведь), тем не менее в языке можно найти словосочетания *дальний сосед* (ср.: Уже давно *дальний* сосед короля, властелин богатой страны, прельщал взоры рыцаря. [Л. А. Чарская. Живая перчатка]) и *чуждый народ* (ср.: Именно ее жителей польские власти стали усиленно приучать к мысли о том, что к русским они никакого отношения не имеют, что русские им никакие не братья, а абсолютно *чуждый* народ, дики и варвары [Георгий Катюк. Исконно русская Европа. Откуда мы?]);
- 4) эмоциональным состояниям, чувствам (ср.: *чужая* (-ое, -ие) радость, [не]счастье, горе; *иная* (-ое, -ие) радость (ср.: *Иная* радость мне открылась [Есенин. Другой азарт]). В этом случае слово *дальний* в словосочетания со словами, выражющими эмоции, не вступает. Слово *чуждый* оказывается в позиции объекта действия эмоции (ср.: У А. С. Макаренко, по характеру *чуждого* сентиментальности, есть размышления, высказанные в письме к его жене

³ Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/results?search=CrkBE-mQKYhJgChUKA2xleBIOCgzRh9GD0LbQtNGL0LkKCgoEZm9ybRICCgAKDAoFZ3JhbW0SAwoBQQoJCgNzZW0SAgoAChUKB3NIbS1tb2QSCgoIc2VtfHNlbXgKCwoFZmxhZ3MSAg0AIiMKIQofCgdjcmVhdGVkMhQKBwi5DRABGAESBwi5DRAMGB8YAi0lCggIABAKGDIgCiAAKJ6lubnfvZ4JMgpyYW5kb21fZG9jQAV4ADICCBM6AQEwAQ> (дата обращения: 29.10.2025).

Г. С. Салько в 1927 году [Острова утопии. Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы];

5) географическим и культурным предметам или объектам (ср.: *чужой* (-ое, -ая, -ие), *чуждый* (-ое, -ая, -ие) или *другой* (-ое, -ая, -ие) край (земля, берега, места, город, порт, обычаи, нравы, язык). Слово *иной* (-ая, -ое, -ие) в основном вступает в словосочетания с объектами культуры (ср.: *иной язык*, *иная культура*, но не *иной город* или *берег*), а слово *дальний* — с географическими объектами (ср.: *дальний край*, *берег*, но не *дальний язык*, *обычай*), *чуждый* — и с географическими, и с культурными предметами и объектами (ср.: И того, кто посмеялся и ушел в *далекий* и *чуждый* город, тоже не вспоминала. [Виктор Васильевич Муйжель. Проклятие]; Он что-то зло прошипел на *чуждом* языке и погладил тень кончиками пальцев, тихо поблагодарил. [Надежда А-Верина, Пробуждение холода]; Папство отпало от истинной христианской церкви и навязывает нам *чуждые* обряды на *чуждом* языке [Паата Шалвович Амонашвили. Послание в будущее].

Обобщая вышесказанное, *чуждыми* могут быть:

1) идеология, дух, нрав, влияние, мировоззрение, политика, религия, искусство, философия, культура, психология, интерес, идея, идеал, язык, мистицизм, предрассудки, мышление, традиции, поэзия, обычаи, натура, иго, марксизм, понятие. В этой связи очень показательны словосочетания: *чуждый* социально, религиозно, идеологически, буржуазно, внутренне, внешне, классово, идеально, национально, духовно;

2) стихия, элемент, среда, существо, нечто, мир, природа. Показательны словосочетания: *ничто* человеческое не *чуждо*; *чуждый* всему земному;

3) племя, народность, народ, раса, национальность;

4) *чуждое* может быть одинаковым, равным (одинаково (равно) *чуждый*), бесконечным (бесконечно *чуждый*), совершенным, абсолютным (совершенно *чуждый*, абсолютно *чуждый*), полным (совсем *чуждый*), глубоким (глубоко *чуждый*), органическим (органически *чуждый*), познаваемым в сравнении: столь (столь *чуждый*), настолько (настолько *чуждый*, что), вовсе (*чуждый* вовсе);

5) *чуждый* может выступать синонимом к *враждебный*, *непонятный*, *далекий*, *посторонний*, *чужой*, *незнакомый*, *неинтересный*, *недоступный*, *непривычный*, *неведомый*, *неприятный*, *странный*, *неприемлемый*, *ненавистный*, *ненужный*, *противный*;

6) *чуждым* можно оставаться, быть, стать;

7) *чуждый* может вставать в положение предиката при перестановке предмета и объекта (завись мне *чужда*, я *чужд* зависти).

Итак, анализ свободных/несвободных словосочетаний со словом *чуждый*, согласно Национальному корпусу русского языка⁴, позволил прийти к выводу, что понимание *чуждости*: а) тесно связано с теми ментальными, духовными, культурными стереотипами, которые лежат в основе этнического, расового, национального, религиозного противопоставления; б) сопряжено с негативными

⁴ Национальный корпус русского языка.

эмоциями; в) может иметь максимальный (совершенно, абсолютно *чуждый*, обоюдный или сравнительный характер (мы *чужды* друг другу, они равным образом нам *чужды*, настолько *чуждый*, что), г) может развиваться во времени и, соответственно, нести в себе черты процесса.

Исследование английских словарей синонимов и Национального корпуса английского языка (британского варианта)⁵ на предмет изучения валентностных связей английских ключевых адъективов-синонимов: *different – strange – unfamiliar – dissimilar – peculiar – separate – alien – bizarre – distinct – exotic – foreign – odd – outlandish – unique – unusual – distinguishable – divergent – diverse – extraordinary – singular – unalike – unlike – weird* (другой – странный – незнакомый – непохожий – своеобразный – особый, отдельно взятый – чуждый – причудливый – отличный от других – экзотический – иностранный – странный, чудаковатый – иноземный – уникальный – необычный – заметный – отличный от других – другой – необычный – отдельно взятый – несходий – непохожий – странный) – позволило выявить:

1) неустойчивые словосочетания с глаголами:

а) appear, be, feel, look, seem, sound, taste + *different / strange / unfamiliar / peculiar / foreign / odd / extraordinary weird* (казаться, быть, чувствовать себя, выглядеть, казаться, звучать, иметь ... вкус + другой / странный / незнакомый / своеобразный / иностранный / необычный / чрезвычайный / странный); б) consider, find, regard as + *strange / peculiar / bizarre / odd / unusual / extraordinary* (считать, находить, расценивать как + странный / своеобразный/ причудливый / необычный / необычный); в) **remain** + *distinct / separate / peculiar* (оставаться + отличным от других / особый / отдельно взятый / своеобразным; г) **make** smth. + *extraordinary / unique* (делать что-л. + необычным / уникальным); д) **keep** smth. + *separate / distinct* (сохранять + уникальность / своеобразность);

2) неустойчивые словосочетания с наречиями:

а) **very, extremely, really, most, truly, highly, particularly, enormously, exceptionally, extremely, remarkably, widely** + *different/ strange / unfamiliar / dissimilar / peculiar / separate / alien / bizarre / distinct / foreign / odd / unique / unusual / diverse / extraordinary / weird* (очень, крайне, действительно, наименее, действительно, весьма, особенно, чрезвычайно, исключительно, особенно, широко + другой / странный / незнакомый / непохожий / своеобразный / особый / отдельно взятый / чуждый/ причудливый / отличный от других / иностранный / странный, чудаковатый / уникальный / необычный / другой / необычный / странный); б) **distinctly, markedly, radically, significantly, strikingly, decidedly** + *different / foreign / unusual* (отчетливо, заметно, совершенно, значительно, поразительно, решительно + другой / иностранный / необычный); в) **completely, entirely, quite, totally, absolutely, wholly** + *different / unfamiliar / dissimilar / separate / alien / bizarre / distinct / foreign / unique / extraordinary* (полностью, всецело, совершенно, полностью, абсолютно, в целом + другой /

⁵ The British National Corpus. URL: <https://www.english-corpora.org/> (дата обращения: 29.10.2025).

незнакомый / несхожий / особый, отдельно взятый / чуждый / причудливый / отличный от других / иностранный / уникальный / необычный); г) ***rather, slightly, a bit, fairly, a little, pretty, quite, rather, somewhat, relatively + strange / different / unfamiliar / peculiar/ separate/ alien / bizarre / distinct / odd / unique / unusual / diverse / extraordinary / weird*** (довольно, слегка, немного, достаточно, немного, довольно, совершенно довольно, отчасти, относительно + странный / другой / незнакомый / своеобразный / отдельно взятый / чуждый / причудливый / отличный от других/ странный / уникальный / необычный / другой / необычный / странный); д) ***subtly + different*** (едва + другой); е) ***materially, qualitatively + different*** (существенным образом, в количественном отношении + другой); ж) ***refreshingly + different*** (на удивление + другой); з) ***not altogether, not entirely, not wholly + dissimilar*** (не полностью, не в целом + непохожий); и) ***largely + separate*** (главным образом + отдельно взятый); к) ***essentially, fundamentally + separate / alien / distinct*** (по существу, в корне + отдельно взятый / чуждый / отличный от других); л) ***geographically, physically + separate*** (географически, физически + отдельно взятый); м) ***hitherto, previously + separate*** (до настоящего времени + отдельно взятый); н) ***increasingly + bizarre*** (все в большей степени + причудливый); о) ***clearly + distinct*** (очевидно + отличный от других); п) ***analytically, conceptually, formally + distinct*** (аналитически, концептуально, формально + отличный от других); р) ***qualitatively + distinct*** (качественно + отличный от других); с) ***Anatomically, geographically, historically + distinct*** (анатомически, географически, исторически + отличный от других); т) ***slightly + foreign*** (слегка + иностранный); у) ***by no means, far from, hardly + unique / unusual*** (ни в коем случае, далеко не, едва + уникальный / необычный); ф) ***almost, virtually, practically + unique*** (почти, фактически, практически + уникальный); х) ***apparently + unique / diverse*** (очевидно + уникальный / другой); ц) ***enough, sufficiently + unusual*** (достаточно + необычный); ч) ***easily, readily + distinguishable*** (легко + заметный); ш) ***barely, hardly, scarcely + distinguishable*** (едва + заметный); щ) ***culturally, ethnically, socially + diverse*** (культурно, этнически, социально + другой);

3) неустойчивые словосочетания с предлогами:

- from + different / dissimilar / separate / distinct / distinguishable*** (другой/ не-похожий / отдельно взятый / заметный + от); б) ***to + different / strange / unfamiliar / dissimilar / peculiar / alien / foreign / unique*** (другой / странный / незнакомый / непохожий / своеобразный / чуждый / иностранный / уникальный + для); в) ***with + unfamiliar*** (незнакомый + с); г) ***about + odd*** (немного + странный); д) ***for + unusual*** (необычный + для); е) ***by + distinguishable*** (заметный + для).

Самой многочисленной группой оказались словосочетания ключевых адъективов-синонимов с наречиями. Проанализировав вышеперечисленные группы наречий, мы попытались объединить их в большие по объему группы, опираясь на семантическую близость. Шкала распределения наречий была выстроена от максимальной до минимальной степени выраженности признака прилагательного (ключевого синонима) (1–6).

- 1) essentially, fundamentally (по существу, в корне);
- 2) very, extremely, really, most, truly, highly, particularly, enormously, exceptionally, extremely, remarkably, widely, distinctly, markedly, radically, significantly, strikingly, decidedly, completely, entirely, quite, totally, absolutely, wholly, completely, entirely, quite, totally, absolutely, wholly, largely (очень, крайне, действительно, наиболее, действительно, весьма, особенно, чрезвычайно, исключительно, особенно, широко, отчетливо, заметно, совершенно, значительно, поразительно, решительно, полностью, всецело, совершенно, полностью, абсолютно, в целом, главным образом);
- 3) clearly, apparently, analytically, conceptually, formally (очевидно, аналитически, концептуально, формально);
- 4) comparatively, relatively, almost, virtually, practically, enough, sufficiently (относительно, почти, фактически, практически, достаточно);
- 5) not altogether, not entirely, not wholly (не полностью, не в целом);
- 6) slightly, subtly, rather, a bit, fairly, a little, pretty, quite, rather, somewhat, relatively, easily, readily, by no means, far from, hardly, barely, scarcely (слегка, довольно, немного, достаточно, немного, довольно, совершенно довольно, отчасти, относительно, легко, ни в коем случае, далеко не, едва).

Тем не менее не все наречия, оказавшиеся валентностно связанными с рассматриваемыми английскими адъективами, можно выстроить по степени усиления признака, указываемого данными адъективами. Часть из них могла быть распределена по времени появления признака: hitherto, previously (до настоящего времени), часть — по типу измерения — qualitatively (в количественном отношении), и еще одна часть наречий оказалась отражением разных сфер жизнедеятельности человека: anatomically, geographically, historically, physically (анатомически, географически, исторически, физически). Такое ранжирование по группам позволило нам утверждать, что *чуждый* в британском языковом сознании может соотноситься с силой, временем появления, качеством и сферой деятельности.

Второй по объему группой оказались сочетания ключевых адъективов-синонимов с глаголами, и здесь мы также столкнулись с довольно необычным явлением: самую большую группу составили глаголы чувственного восприятия feel, look, seem, sound, taste (чувствовать себя, выглядеть, казаться, звучать, иметь ... вкус). Стало очевидным, что *чуждость* в английском языке ощущается на уровне органов чувств. Группа глаголов consider, find, regard as (считать, находить, расценивать как) указывала на то, что *чуждость* может оцениваться не только перцептивно, но и ментально, что *чуждым* можно делать — make; оставаться — remain, *чуждость* можно сохранять — keep smth, т. е. *чуждость* подвержена внешнему воздействию и может быть искусственно созданной, а может быть природной, изначально присущей.

Самой малочисленной, но при этом не менее показательной группой оказались сочетания рассматриваемых адъективов с предлогами, при анализе

которых мы обратили внимание на предлоги направления, четко указывающие на противопоставление: индивид – индивид; люди; окружающий мир (например, отличный от чего-л., для кого-л. (from – to/for/with)). На наш взгляд, это еще раз подтверждает ключевой признак *чуждости* — противопоставленность, оппозиционность, сепарированность от чего-л. Мы не стали акцентировать внимание на предлогах *about* и *by*, поскольку эти предлоги были выделены в одиночные группы и не могли быть использованы при синтезе и обобщении данных.

Заключение

Как мы полагаем, ментефакт *чуждость*, элемент содержания языкового сознания этноса, представляет собой КП, один из полюсов архетипической бинарной оппозиции «свой – чужой». Среди репрезентантов данного КП (языковых единиц, знаний, представлений, понятий, концептов и артефактов) наиболее культуроспецифичным и культурозависимым оказывается *концепт*, под которым понимается «самая общая максимальна абстрагированная, но конкретно репрезентируемая (языковому) сознанию идея предмета (в самом широком понимании этого термина), являющаяся результатом определенной когнитивной обработки, обладающая ингерентно присущей ей аксиологией и взятая в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью» (Красных, 2016, с. 220).

Как показали исследования синонимических словарей и национальных корпусов русского и английского (британского варианта) языков, овнешнение номинативного поля концепта *чужды/foreign* происходит посредством синонимических рядов адъективов, отражающих его разные стороны. Валентностная сочетаемость данных адъективов с другими словами отражает определенные имплицитные, уникальные для конкретной культуры смыслы, изучение которых проливает свет на культуроспецифическое восприятие чуждости, включая его образно-перцептивную, аксиологическую и оценочную стороны. С этой целью был проведен интерпретативный анализ свободных и связанных сочетаний с выделенными ключевыми русскими и английскими адъективами-сионимами, упоминаемыми в начале статьи.

Анализ свободных/связанных словосочетаний с выделенными рядами адъективов, согласно Национальному корпусу русского языка, позволил прийти к выводу, что восприятие *чуждости* в русском языковом сознании: а) тесно связано с ментальными, духовными, культурными стереотипами, которые лежат в основе этнического, расового, национального, религиозного противопоставления; б) может иметь либо максимальную (совершенно, абсолютно *чужды*), либо обоюдную выраженность (мы *чужды* друг другу, они равным образом нам *чужды*); в) может развиваться во времени и, соответственно,

нести в себе черты процесса. Восприятие *чуждости* может сопровождаться негативными эмоциями.

Изучение английских словосочетаний позволило сделать вывод о том, что *чуждость* в британском языковом сознании: а) может измеряться по силе, времени появления, качеству и сфере деятельности; б) носит в том числе перцептивный характер (в качестве глаголов к синонимам, вербализирующими *чуждость*, выступают глаголы: *feel, look, sound, taste*); в) *чуждость* может оцениваться (*regard, consider sth. different, strange* и т. п.); г) *чуждым* можно делать — *make*; оставаться — *remain*, *чуждость* можно сохранять — *keep smth*, т. е. *чуждость* подвержена внешнему воздействию и может быть искусственно созданной, а может быть природной, изначально присущей.

Обобщая сказанное, в британском языковом сознании *чуждость* воспринимается с опорой на перцепцию и логику, в русском языковом сознании — с опорой на чувства, эмоции, наличие духовной, ментальной, религиозной близости.

Список источников

1. Красных, В. В. (2016). *Словарь и грамматика лингвокультуры: основы психолингвокультурологии*. Гнозис.
2. Ковшова, М. Л., & Гудков, Д. Б. (2018). *Словарь лингвокультурологических терминов*. Гнозис.
3. Элиаде, М. (1994). *Священное и мирское*. МГУ.
4. Юнг, К. Г. (1991). *Архетип и символ*. Ренессанс.
5. Цивьян, Т. В. (2006). *Модель мира и ее лингвистические основы*. КомКнига.
6. Чернейко, Л. О. (1997). *Лингво-философский анализ абстрактного имени*. Гнозис.
7. Попова, З. Д., & Стернин, И. А. (2007). *Когнитивная лингвистика*. АСТ, Восток-Запад.
8. Суворова, Е. В. (2025). Языковые средства вербализации концепта *чуждость* в русском и английском языках: сравнительный анализ лингво-культурных смыслов. *Филология и культура*, 1(79), 125–132.
9. Суворова, Е. В. (2024). Развитие концептуальных представлений о *чуждости* в социально-гуманитарных науках (ХХ–XXI века). *Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование*, 3(55), 150–164.
10. Пименова, М. В. (2004). Типология структурных элементов концептов внутреннего мира (на примере эмоциональных концептов). *Вопросы когнитивной лингвистики*, (1), 83–90.
11. Серебренников, Б. А., Кубрякова, Е. С., Постовалова, В. И., Телия, В. Н., & Уфимцева, А. А. (1988). *Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира*. Б. А. Серебренников (Отв. ред.). Наука.
12. Damasio, A. (1995). *Descartes' error: Emotion, reason, and the human brain*. Avon Books.
13. (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем. (2017). Коллективная монография. В. В. Красных (Ред.). Гнозис.

References

1. Krasnykh, V. V. (2016). *Dictionary and grammar of linguo-culture: Fundamentals of psycholinguaculturology*. Gnozis. (In Russ.).
2. Kovshova, M. L., & Gudkov, D. B. (2018). *Dictionary of linguacultural terms*. Gnozis. (In Russ.).
3. Eliade, M. (1994). *Sacred and profane*. MGU. (In Russ.).
4. Yung, K. G. (1991). *Archetype and symbol*. Renessans. (In Russ.).
5. Tsivyan, T. V. (2006). *Model of the world and its linguistic foundations*. KomKniga. (In Russ.).
6. Cherneyko, L. O. (1997). *Lingvo-philosophical analysis of the abstract name*. Gnozis. (In Russ.).
7. Popova, Z. D., & Sternin, I. A. (2007). *Cognitive linguistics*. AST, Vostok-Zapad. (In Russ.).
8. Suvorova, E. V. (2025). Language means of verbalization of the concept of alienness in Russian and English: a comparative analysis of linguocultural meanings. *Philology and Culture*, 1(79), 125–132. (In Russ.).
9. Suvorova, E. V. (2024). Development of conceptual ideas about foreignness in the social sciences and humanities (XX–XXI centuries). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(55), 150–164. (In Russ.).
10. Pimenova, M. V. (2004). Typology of structural elements of concepts of the inner world (based on the investigation into emotional concepts). *Issues of Cognitive Linguistics*, (1), 83–90. (In Russ.).
11. Serebrennikov, B. A., Kubryakova, E. S., Postovalova, V. I., Teliya, V. N., & Up-himceva, A. A. (1988). *The role of the human factor in language. Language and the Picture of the World*. Nauka. (In Russ.).
12. Damasio, A. (1995). *Descartes' error: Emotion, reason, and the human brain*. Avon Books.
13. (Neo)psycholinguistics and (psycho)linguocultural science: new sciences about the speaking person. (2017). Collective monograph. V. V. Krasnykh (Ed.). Gnozis. (In Russ.).

Информация об авторе

Елена Владимировна Суворова — кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Российского государственного университета нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И. М. Губкина.

Information about the author

Elena V. Suvorova — PhD (Pedagogy), Associate Professor of Foreign Languages Department, National University of Oil and Gas «Gubkin University».

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.